

«ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПОВИННОСТЕЙ» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

В статье предпринята попытка проанализировать динамику развития такой формы социального протеста российского крестьянства начала XX в., как «отказ от исполнения повинностей», определить ее экономическую и политическую составляющие.

Ключевые слова: крестьянство, налогообложение, социальный протест, формы протеста, отказ от повинностей.

Отказ крестьян от исполнения каких-либо обязательств (повинностей, работ и т.п.) традиционно считался и считается формой протеста. В советской историографии было четко определено, что любое неповиновение есть проявление классово-борьбы. В этом сказывалось стремление к преувеличению социальной активности крестьян. Поэтому к таковой относились и случаи подачи жалоб (на определенном историческом промежутке) и даже факты отдельных высказываний (что мы наблюдаем в хрониках многотомного издания «Крестьянское движение в России», составившегося в 1960-е гг.). Примечательно, что подобные же отказы, наблюдавшиеся после 1917 г., квалифицировались советскими историками как контрреволюционные акции; что меняло знаки, но не изменяло сути — интерпретации отказа как деяния с явно политическим содержанием.

Исследователи выделяли множество вариантов отказов: «от уплаты налогов», «от исполнения работ», «повинностей», «казенных повинностей» и проч. Именно из-за подобной вариативности Б.Г. Литвак, определявший для «дореволюционного» периода более 100 форм протеста, в итоге был вынужден уменьшить их число за счет группировки до 49-ти [2, с. 45]. По сходному пути пошли и другие исследователи, постепенно уменьшавшие число форм протеста: так, только для 1917 г. А.Д. Малявский выделял 44 формы [6, с. 64–67]; Л.М. Горюшкин полагал приемлемым ограничиться 20 формами. [5, с. 323]. В итоге стало возможным говорить об общем «отказе от исполнения» чего-либо, постепенно включившем в себя все мыслимые варианты отказов. Главное — все они считались проявлением крестьянского протеста. Стоит

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

упомануть, что предпринимались попытки дифференциации форм протеста на экономические и политические; так, отказ платить подати Л.М. Горюшкин полагал экономической [3, с. 46], О.Г. Буховец — политической формой [2, с. 108]. На наш взгляд, даже если и признать какую-либо форму экономической, она все равно остается разновидностью протеста, а таковой чисто экономической быть не может. В связи с этим возникает вопрос: любое ли уклонение от исполнения повинностей имеет политическую направленность? Повинности и налоги по сути являются оружием, причем обоюдоострым и порой достаточно действенным. Усиливая их, власть получает дополнительный рычаг воздействия на население. Так, в Оренбургской губернии начиная с 1863 г. появляется мощный рычаг воздействия на упорствующих крестьян — постой, т.е. размещение в неповинующихся населенных пунктах воинских команд с перекладыванием их содержания на население. Показательно родившееся почти тогда же название таких подразделений — «обжорная команда» [1, с. 399]². Другой пример: в 1920 г. население Илецкого района Оренбургской губернии активно содействовало повстанцам. Там была проведена чуть ли не абсолютная «выкачка» продовольствия. Опасавшееся репрессий население предпочло подчиниться. Но когда разразился голод, помощи жители этих мест не получили никакой. Более того, в сентябре 1921 г. был запрещен выезд из района — в итоге наблюдалась огромная смертность³. История знает ряд примеров ответных инициатив против власти: клятву французских депутатов Национального собрания 20 июня 1789 г. в зале для игры в мяч не расходиться, пока король не пойдет на уступки, а также угрозу, что если их разгонят, то народ не станет платить налоги. В ноябре 1848 г. в ответ на роспуск Национального собрания Пруссии депутаты его призвали не платить налоги. 9–10 июля 1906 г. группа депутатов распушенной Государственной думы провела акцию неповиновения, выехав в г. Выборг, где родилось знаменитое воззвание «Народу от народных представителей» с призывом не платить налоги.

Несомненно, каждый конкретный случай отказа содержит потенциальную политическую составляющую. Но уместно спросить: в каждом ли случае она проявляется? В каждом ли случае уклонения от платежей обязательно наличествует протест? Осознавали ли сами крестьяне наличие протеста в своих действиях? При традиционном подходе однозначный ответ «да» давался на все три вопроса. Но обратимся к историческим материалам. В обобщающей монографии «Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880 гг.» Оренбургская и Уфимская губернии были названы среди губерний, где недоимки были

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. 1862. Д. 41. Л. 32.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

наибольшими (соответственно 148 и 142 % к годовому окладу). Они уступали только Олонецкой (219 %). В отдельных уездах края показатели были еще выше: в Троицком уезде крестьяне задолжали 6 годовых окладов, в Белебеевском — 5,4 [7, с. 145]. Ситуация в принципе не изменилась и в дальнейшем — к 1892 г. самые большие недоимки по стране были по-прежнему в Оренбургской губернии — 562 % оклада [10, с. 127]. Если принять, что неплатежи это протест, то получается, что в последней трети XIX в. не было более напряженного в социальном отношении региона, нежели Южный Урал. Однако, никакие иные источники этого не подтверждают.

Уклонение от уплаты налогов может быть как намеренной политической акцией, так и вынужденной мерой по причине, например, неурожая. Власти расследовали каждый подобный случай, и не каждый отказ или уклонение карались в равной мере.

Попробуем проследить динамику данной формы поведения крестьян. Поскольку сделать это в масштабах страны крайне сложно, ограничимся юго-востоком европейской части России на значительном временном промежутке (1855–1922 гг.), что позволяет проследить определенные закономерности. За основу возьмем существующую хроннику [8]. По рассматриваемому периоду нами отмечено 49 форм «крестьянского движения». «Отказы» за 1855–1917 гг. составили 73 случая, или 12,6 % от общего числа.

При этом «наполнение» формы «отказ от повинностей» меняется со временем — начиная с 1858 г., когда она была отмечена в первый раз, и до 1874 г., речь шла об отказе крестьян платить помещику. Затем фиксируется несогласие крестьян платить государству, точнее — его местным властным структурам, поскольку до высшего уровня крестьяне никогда не поднимались: «не отказываясь от казенных повинностей, не желают платить волостному начальству» (Верхнеуральский уезд, 1871 г.)⁴.

Отказ от исполнения повинностей или платежей никак не мог возникнуть внезапно: так, чтобы крестьяне платили исправно и вдруг начали отказываться. Очевидно, что это самое «вдруг» и требует повышенного внимания. Начиная с 1860-х гг. подобное поведение вызывалось ожиданием нового нормативного акта (манифеста, указа), который должен был легитимировать перемены к лучшему — Верхнеуральский уезд (1863 г.)⁵, Оренбургский уезд (1869 г.)⁶, Оренбургский уезд (1870 г.)⁷, Челябинский уезд (1897 г.)⁸ и др.

⁴ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85. Л. 59.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. IV эксп. 1863. Д. 205. Л. 1–13; ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 229. Л. 189–195.

⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Л. 10–20.

В этот период наблюдается ряд конфликтов затяжного характера, причем далеко не всегда безнадежных. Так, в с. Петровском Челябинского уезда крестьяне смогли добиться успеха. Конфликт начался в 1871 г., продолжаясь до 1878 г. Крестьяне упорно отказывались от платежа оброка «по упорству и бедности», тем не менее, арендуя землю на стороне. В итоге помещик уступил, предоставив крестьянам значительные льготы⁹.

Идея неплатежей, т.е. оставления средств в хозяйстве на свои нужды, сближала крестьян различных категорий — среди упорствующих сел в этот период мы видим и бывшие казенные, и бывшие владельческие села. Сама инициатива не платить также аргументировалась по-разному: в Кумлякской волости Троицкого уезда платежи связывались с долгами помещикам¹⁰, в Белорецком сельском общества крестьяне соглашались платить казенные повинности, наотрез отказываясь давать деньги на содержание местного общественного управления¹¹. В 1874 г. сход д. Верхней Челябинского уезда постановил, что лесной налог слишком велик, и отказался давать приговор об его уплате¹². Бывшие казенные крестьяне ряда деревень Каминской волости Челябинского уезда отказались в 1878 г. платить по владенным записям оброчную подать, лесной налог, а в некоторых еще и страховой сбор¹³.

С 1874 г. данная форма поведения претерпевает качественные изменения. Если до этого времени крестьяне вели речь о своем нежелании платить помещику причитающиеся ему по закону средства, то теперь — появляется нежелание платить государству. Изменение основного адресата платежей не меняло методики противодействия. Конечно, были случаи, когда отдельные деревни действительно находились в сложном финансовом положении — из-за неурожаев, пожаров, эпизоотий и т.п. Крестьянство поняло, что в таких случаях можно рассчитывать на льготы, уступки, даже некоторую помощь со стороны государства. В данном же случае нас более интересуют намеренные, умышленные отказы, когда крестьяне заявляли о своей бедности и т.п., располагая при этом серьезными средствами, как, например, на хуторе Сукулак Оренбургского уезда. Крестьяне отказались платить платежи еще в 1867 г., и уже тогда, после того, как была проведена опись скота у двенадцати наиболее упорных крестьян, последние не

⁹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 119/1. Л. 3 об., 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Д. 85. Л. 59.

¹² Там же. Д. 57. Л. 100 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 109. III эксп. 1878. Д. 33. Л. 104–107; РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1878. Д. 119. Л. 2; ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 119/1. Л. 16; Ф. 10. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6 об.

позволили продать ни одной головы, уплатив разом 364 руб. 67 1/2 коп., что составило более половины долга¹⁴. Крестьяне продолжали упорствовать и далее — практически каждый год часть крестьян хутора заявляла о своем нежелании платить. Причина была достаточно типичная — крестьяне полагали себя избавленными от платежей, поскольку не пользовались землей помещика. Окончательно хуторяне отказались от любых денежных обязательств в 1873 г. и до апреля 1878 г. не платили ничего и никому. Когда в ноябре 1877 г. была начата опись имущества, то крестьяне объявили, что платежи — выдумка пристава из желания ограбить их. Попытки последнего принудить крестьян повиноваться натолкнулись на беспримерные для той поры действия крестьян. Толпа вооружилась — даже у мальчишек и девиц были видны ружья, сабли, пики, ножи. Было заявлено, что они уничтожат несколько человек: поскольку «им нужен один конец — безразлично, смерть или каторга, а острог они уже испытали». Из толпы стреляли под ноги понятым, которых в случае ослушания грозили «бить без разбора». Два дня осаждали дом пристав с намерением его убить. Когда же пристав приказал силой взять сопротивляющихся, то последние «сбросили с себя верхнюю одежду, поклонились отцам и матерям в ноги, простились друг с другом и направили в пристава ружья и пики» со словами «ну идите, мы готовы». Крестьяне упорно отказывались платить, «решившись сообща довести в этом случае упрямство до крайних пределов, не взирая ни на какие меры строгости». Когда же опись имущества все же началась, то крестьяне поначалу отговаривались, что «они люди уже разоренные», но власти в полях обнаружили припрятанный крестьянский скот в трех местах с особыми пастухами. Найденный скот крестьяне демонстративно отказались признавать своими — тем самым, отказавшись от 40 лошадей Порядок и законопослушание были установлены на хуторе военной командой в начале 1879 г.¹⁵

В 1874–1877 гг. продолжался конфликт в Белебеевском уезде, где крестьяне 8 деревень (ранее одного имения), еще с 1864 г. «неисправно» вносившие платежи, с 1874 г. вообще прекратили это делать. Однако, все меры убеждения наталкивались на «возрастающее упорство». К 1877 г. задолженность составила более 72 тыс. руб. — более трети всех недоимок губернии. При этом крестьяне не платили не из бедности. Как свидетельствовали представители властей, крестьяне намеренно старались не держать ничего лишнего в хозяйстве, все прочее пропивая (только кабаки в селах давали доход до 2 тыс. руб. в год)¹⁶. Расследование показало, что крестьяне были достаточно обеспечен-

¹⁴ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 88. Л. 5–5 об.

¹⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 7. Д. 516. Л. 1–49 об.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 18. Д. 807. Л. 1–9.

ными. К середине марта 1877 г. была проведена опись имущества. Крестьяне успели скрыть скот, предъявляли фальшивые документы об его продаже, были случаи подкупа понятых. Оставшееся имущество прятали в снег, солому, у соседей. Продажа имущества в пяти селах дала 3781 руб. Сразу же несколько крестьян внесли в погашение долга по 5 тыс.

Обращает на себя внимание и поиск способов не просто отказа от исполнения повинностей, но изменения ситуации с тем, чтобы вопрос об оплате, по представлениям крестьян, как бы «отпал» сам: самовольно переселились, бросив землю, за которую с них требовали платы (Оренбургский уезд, 1866 г.¹⁷); продали дома, расселившись по соседним селам (Челябинский уезд, 1865 г.¹⁸); стали арендовать в другом месте (Оренбургский уезд, 1872 г.¹⁹).

Отметим еще одно важное обстоятельство. Мы не располагаем ни одним свидетельством в пользу того, что крестьяне осознавали «неправильность», «незаконность» своего отказа — напротив, они были убеждены в правильности, правомерности своих действий. Крестьяне не шли на конфронтацию, а пытались корректировать ситуацию, но так, как полагали нужным или правильным.

«Внезапных», без весомых причин, отказов не было никогда. В каждом случае обязательно срабатывал новый фактор: слух о скором новом нормативном акте; инициативные шаги, ломающие, по мнению крестьян, существующие обязательственные отношения. Новые составляющие крестьянского поведения наблюдаются только в начале XX в.: впервые отказ сопровождается вооруженным сопротивлением в 1901 г. (Челябинский уезд)²⁰, впервые часть сельского общества не желает присоединиться к отказу и в итоге принуждена к этому силой в 1913 г. (Оренбургский уезд)²¹. В значительной мере подобные новации были результатом пропагандистского воздействия. Но, скорее, воздействия опосредованного — напрямую никто крестьян к неплатежам не призывал. Да, «Выборгский манифест» был известен в крае — его нелегально переиздали местные левые (эсеры и социал-демократы). Но нет никаких свидетельств в пользу того, что содержащиеся в «Манифесте» призывы нашли отклик у крестьян, в среде, к которой адресовались. Мы не располагаем ни одним свидетельством, даже косвенным, которое бы дало основание говорить об использовании крестьянами своих отказов как рычага политического воздействия на всем протяжении рассматриваемого периода.

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1866. Д. 59. Л. 1–2.

¹⁸ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 88. Л. 57, 73.

²⁰ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 570. Л. 2–5.

²¹ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 491. Л. 14.

Интересующая нас форма «отказа» как бы исчезает, сходит на «нет» в революционные годы, т.е. в то время, когда происходит ослабление власти и усиление нажима на нее со стороны крестьян. На этом фоне отказы просто не столь радикальны, как те меры и шаги, на которые в новых условиях решаются крестьяне. Вновь анализируемая нами форма крестьянского движения «возвращается» при советской власти, но, как указывалось выше, с новой историографической оценкой, как контрреволюционное деяние. Хроники крестьянского движения в советский период традиционно завершались 1917 г., где Октябрьская революция рассматривалась как естественный рубежный момент.

С одной стороны, перемены налицо: если по «дореволюционному» периоду наблюдается удивительное многообразие форм «отказов», то теперь происходит резкое сужение вариантов. Ряд прежних форм протеста просто исчезает, зато «отказ» становится едва ли не основной (по нашим данным для южноуральского региона за 1919–1922 гг. — 39 % общего числа). В последующем эта форма становится вообще преобладающей (не исключая единичных случаев «активных действий»). Если говорить о реальных изменениях, то изменился один фактор — характер власти.

Проанализируем действия «царских» властей. В 1870-х гг. отмечено несколько случаев исключительного крестьянского «упорства» — в Челябинском уезде (1871–1878 гг.), Оренбургском (1873–1878 гг.), Белебеевском (1874–1878 гг.). К силовым методам воздействия на неплательщиков власть не прибегала, изъятие имущества за недоимки во всех указанных случаях началось только в 1877 г. Ставка делалась, прежде всего, на убеждение. Власти исходили из посыла, что крестьяне поступают так «по упорству», по недомыслию. После 1917 г. подобные ситуации, впрочем, как и растянувшиеся на несколько лет конфликты стали просто немыслимы.

Составляя хронику, мы были вынуждены остановиться на 1922 г. (см.: [8]) поскольку, как показал поиск, для всех последующих лет либо придется констатировать исчезновение протеста вообще — если считать отказы экономической формой, либо признать, что весь протест в итоге сводится к данной форме.

На наш взгляд, в основе крестьянского отказа от исполнения повинностей лежал экономический момент. Право государства вообще взимать что-либо с крестьян ими под сомнение не ставилось. Иными словами, это не был протест против власти. Если что и ставилось под сомнение, то взимание конкретных выплат, наложение конкретных повинностей, требование исполнения конкретных работ. Крестьяне только пытались приспособиться к меняющимся условиям. Политический характер действиям крестьян придавали сами власти: но если царские — в исключительных случаях, то советская власть делала таковыми практически все отклонения от требуемых действий.

Мы склонны считать, что именно отказы от исполнения повинностей в советский период становятся формой политической борьбы (разумеется, не абсолютно каждый подобный случай). Отказы с экономическим содержанием продолжались и в 1917 г. и несколько позже. Но потом крестьяне «обогатились» опытом взаимоотношений с советскими карательными структурами, превращавшими в политический конфликт практически любое несогласие и неповиновение. Скорость процесса «обогащения» была разной в различных регионах и зависела от многих локальных факторов. В изменившихся условиях, крестьяне начинали осознавать, чего им будет стоить неповиновение — и это наполняло политическим содержанием любую крестьянскую инициативу, даже казалось бы исключительно экономическую.

В итоге крестьянами была создана система «тихого противостояния», сменившая активные формы протеста, которая получила название «оружия слабых» [9, с. 85; 4, с. 315], с ударением именно на слове «оружие».

Литература

1. *Авдеев М.* Меж двух огней. СПб., 1869.
2. *Буховец О.Г.* К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905–1907 гг. (по материалам Самарской губ.) // История СССР. 1979. № 3.
3. *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири эпохи капитализма (методика составления хроники) // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1982. № 1.
4. *Ковалева Л.* Оружие слабых: села Александровка и Плотниково // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
5. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: Хроника и историография // *Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А.* и др. Новосибирск, 1985.
6. *Малявский А.Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. (март — октябрь). М., 1981.
7. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880 годов: Коллективн. монография / Отв. ред. *Б.С. Итенберг.* М., 1983.
8. *Сафонов Д.А.* Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998.
9. *Скотт Дж.* Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
10. *Шаховской Д.И.* Выкупные платежи // Великая реформа. Т. VI. М., 1911.